

нование бога как простоты любовной, — говорит Дионисий, явно полемизируя с христианскими противниками платонизма, — судя по себе, (они понимают это) телесоподобно и разобщающе, что не есть истинная любовь, но кумир или, лучше, отпадение от истинной любви. Ибо непонятны для многих простота и единство божественной любви... Божественная любовь — это есть истступительная (преизбытокствующая, — А. К.) сила, которая (нас) не оставляет в любви к самим себе, но (обращает) к (другим) любимым, указывая тем, кто выше, заботиться о меньших, равным — взаимно держаться друг друга, а меньшим — божественно направляться к первым.

«Сего ради великий Павел, будучи одержим божественной любовью и приобщившись к ее истступительной силе, сказал божественными устами: „Это не я живу, — живет во мне Христос“. Поистине, как сам и говорил бог, (так) и живет не своей, но жизнью любовной, весьма усладительной». Но сила любви превышает самого бога. «Осмелюсь же ради истины сказать и то, что сам всего виновник в благе и красоте любви ко всему, по безмерию любовной благодати выступает сам из себя и влечется в сущее всеми промыслами и неким образом благодатью, любовью и страстью и от всяческого превосходства ко всем сходит по истступительной, пресущественной, не отходящей от него силе».³⁸

В согласии ли с буквой Псевдо-Дионисиева учения или в отход от нее, но все изложенное им о божественном Эросе позволяло заинтересованному читателю угадывать в подтексте формулу: «Все во мне и я во всем».

Мы указали на некоторые существенные идеи в учении Псевдо-Дионисия Ареопагита, пользуясь пространными выдержками из его сочинения «О божественных именах». Античный философский пантеизм, сказавшийся в сочинениях Псевдо-Дионисия Ареопагита, античные принципы нравственной свободы и естественной меры у других церковных писателей раннего средневековья (их в большей или меньшей мере повторяет и Псевдо-Дионисий Ареопагит), — могли ли они служить материалом для выработки гуманистических идей? В каком отношении к этим источникам стоит западная гуманистическая мысль? В каком отношении к ним стоит русская общественная мысль XV—XVI вв.?

III

Сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита были возрождены западными гуманистами. Имя его, в одном ряду с Платоном, Аристотелем и Плотинем, вошло в сочинения Марсилия Фичино и Джованни Пико дела Миран-

³⁸ «Множеству не вместившу еже единовидное рачительнаго богоименования искрвине (искрвнии = πρὸς τὸν — «приближаться», «подходить», «находиться близ») себе в частно и телесоподобное и раздельное пользвошас еже нес истинно рачительство, но кумир или паче отпадение истиннаго рачительства. Невместимо бо ес множеством единствѣнное божествнаго и единаго рачительства. Ее же и иступително божественно рачительство, не оставяе самех себе быти рачителе, но рачимых и являеть яже убо превышаа промысла бывше мѣнших и вѣкупо сѣставнаа друг друга сѣдрѣжання и яже мѣншаа к прѣвным божествнейшааго обраѣщения. Сего ради Павел великий в одрѣжании божественнаго быв рачительства и иступительнаа его силы приобщився божественными усты: „живу аз, рече, не к тому, живет же во мне Христос“, яко истинне рачител и иступителне, якоже сам глаголет богови и не свою живе, но рачителеву жизнь, як zelo любовная.

«Сметелне же и о сем истине рещи, яко и сам иже въсех виновны добрым и благом въсех рачительством, безмерна ради рачительнаа благодати въне себе бывает иже в сущаа въсе промыслени и образом неким благодатию и любовию и рачительством привлачитс и от паче въсех и всех изряднѣства к еже въвсех сѣходит по иступительной пресуществной силе неотходной его» (рук. № 144 бывш. МДА в ВБЛ, лл. 149, 149 об., 150).